

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Пути развития человеческой истории очень запутаны и мало предсказуемы. Различные народы в калейдоскопе исторического развития возникают, развиваются и исчезают. В ходе процесса создания и развития цивилизации, в рамках влияния, взаимодействия, а часто и просто столкновения различных этнических групп возникают своеобразные исторические явления межэтнического взаимодействия. Эти группы являются, когда переходными формами исторического процесса, когда временными социальными формированиями. Такие исторические явления принято называть субэтносомами, реликтовыми этносомами, народностями, протоплеменными объединениями. Среди многочисленных примеров многообразного исторического действия человеческой цивилизации особое место занимают КАЗАКИ, как самостоятельный продукт развития российской цивилизации.

С точки зрения цивилизационного подхода «казачество» можно рассматривать в широком и узком смысле. На стыке цивилизаций, в зонах так называемого фронта (или в контактных зонах), почти неизбежно появление объединений людей по типу казачьего войска, или, вернее сказать, само оно копировало такой тип объединения. Организация по принципу «народ-войско» («орда») давала возможность не только совершать набеги и отражать нападения недругов, но и способствовала хозяйственному освоению территории, сохранению традиций, обычаев, веры. Поэтому нетрудно во всемирной истории найти аналогии казакам (с поправками на время, место и обстоятельства). Сюда можно отнести федератов поздней Римской империи, охранявших ее границы на известных условиях, балканских граничар и даже (с еще большими поправками) рейнджеров северо-американского фронта, готовых не только осваивать землю, но и охранять ее с оружием в руках. Не составит большого труда отыскать параллели и в феодальном строе Византии, где стратиоты были одновременно и воинами, и земледельцами. И уж совсем очевидным представляется влияние организации кочевых племен на формирование казачьих войсковых структур.

В узком смысле слова «казачество» есть исключительно восточнославянское явление, сложившееся в особых исторических условиях XV–XVI вв. Здесь не должно вводить в заблуждение сходство в наименовании племен, проживавших в Причерноморье и на Северном Кавказе в разные исторические эпохи («касоги» — «казяги» — «казаки» и т.п.).

Историками всех направлений признаётся, в той или иной плоскости, что казачество, как исторический феномен, является особым отрядом русского этноса. Русский этнос, как и всякий другой, является сложной органической,

динамически развивающейся системой, обладающей неповторимой структурой, включающей в себя в качестве компонентов и элементов различные субэтнические формирования, между которыми существует тесная взаимосвязь, субординированность и координированность в пространстве и времени. Необходимо подчеркнуть, что все эти субэтнические образования абсолютно равноценны и различаются только функциями в системе единого социального организма, но при этом имеют свой образ жизни, культурно-бытовые особенности, менталитет. Эти моменты являются не дезинтегрирующими тенденциями, а служат элементами укрепления, неповторимости и многовариантности развития социальной системы. В этом контексте российское казачество является тем субэтническим элементом, который сочетает в себе социальные, этнические, ментальные характеристики. С нашей точки зрения российское казачество является субэтнотипом русского народа, на долю которого в нашей истории выпали почётные, но в высшей степени сложные функции пионеров колонизации и пограничных стражей. Расселившись по границам государства, российское казачество стало своего рода «озоновым» слоем российской цивилизации, воспринимая социокультурный опыт сопредельных народов и сохраняя одновременно славяно-христианский культурно-исторический тип.

К началу XX века казачество прочно заняло своё социальное место в сложной иерархической системе сословий и социальных групп российской империи. Выполняя военные обязанности как кавалерийские, в основном, войска, казаки несли охранную службу в сложной системе имперского управления. В период своего раннего исторического развития в XVI — XVIII вв. казачество часто выступало как главная бунтарская сила против регулярной политики имперского российского государства. Но специфика внешней политики России — длинная протяжённость степной границы, противостояние с кочевыми народами Евразии, и просто великолепные боевые качества казачьих войск привели к тому, что к XIX веку казачьи формы социальной жизни законсервировались на землях исторического существования казачества, при поощрении этого процесса имперскими структурами управления. В начале XX века, когда наступил кризис управляемости Российской империи и режим самодержавия вступил в политическое противостояние с различными общественными группами России, казачество оказалось одной из немногих социальных страт Российского государства, которые были верны правящему режиму.

XIX век стал этапом больших качественных и количественных изменений в исторической судьбе российского казачества. Его социальная роль в жизни как регионов своего расселения, так и в целом в России стала меняться. Если в середине XVIII столетия российские казаки всё ещё являлись в значительной степени зависимой от властей Российской империи социальной группой — в выдаче жалованья, в обеспечении припасами, а подчас и продовольствием, в системе материального поощрения, в рамках выполнения различных земских

повинностей, то к концу XIX столетия казачество становится достаточно независимой в социально-экономическом плане категорией населения. При этом следует отметить двойственность позиции в этом процессе государственных структур царской России. Начиная с 1861 года имперские бюрократические ведомства в целом комплексе своих реформ — положение о Сибирском казачьем войске от 1861 года, положение об Общественном управлении в казачьих войсках от 1870 года, исправленном и дополненном в 1890 году — всячески стремились к переводу войсковых служб казачьих войск России на, выражаясь современным языком, самокупаемость. Правительства различных монархов России, правящих в ней во второй половине XIX века, стремились к тому, чтобы казачество в целом, оставаясь особой социальной группой в среде современного ему российского общества, сохраняла как свою своеобразность военизированной опоры для царского режима, так и перестала быть для последнего определённой финансовой обузой. Император Александр II изложил содержание этой программы следующим образом: « Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшие столько незабвенных услуг Отечеству, сохранили и на будущее своё воинское предназначение...Но вместе с тем желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их назначение было сколь возможно согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственного благоустройства». [5,с.26]

Можно сказать, что это пожелание всероссийского самодержца российские казаки выполнили. На всём протяжении XIX столетия виден медленный, но неуклонный рост экономического благосостояния российского казачества. Станичники быстро перенимали у крестьян все навыки земледелия и, к концу столетия, во многих областях перегнали своих учителей, к немалой досаде последних. Здесь следует отметить, что этот процесс был не только связан с объективной реальностью экономического развития всей страны, но и поощрялся войсковыми структурами казачьих войск России. Также важен такой факт социально-экономической жизни в рамках казачьего социума как движение, начиная с 1860 гг., в так называемые пореформенные годы, на казачьи земли иногородних. Связано это было не только со льготами, какие были возможны при предпринимательстве на казачьих землях, но и с общей моральной атмосферой в станицах казачества. Казаки достаточно благосклонно относились ко всем видам предпринимательства, а казачья община не только не препятствовала появлению в их среде богатых станичников, или живущих рядом с ними состоятельных иногородних, но и всячески приветствовали рост благосостояния в их поселениях. При этом конечно не забывалась выгода станиц от этого рода деятельности. Экономическая самостоятельность всего комплекса казачьего станичного хозяйства обеспечивалось станичными земельными наделами и станичными капиталами. Субъекты казачьего хозяйствования находились, практически, на полной самокупаемости, что в немалой степени объясняет успехи казачьей формы землепользования. Казачья община всегда помогала тем казакам,

у которых были трудности в сфере хозяйственной деятельности, и в этом сходство казачьей общины с крестьянской. Коренное же отличие заключается в том, что казаки были достаточно самостоятельны в сфере своей производственной деятельности, передел земли в казачьих общинах проходил раз в 19 лет, и касался не результатов хозяйственной деятельности той или иной семьи, а количества в ней лиц мужского пола, что служило критерием при наделении землёй. Общероссийское Положение об управлении станиц 1891 года вообще отменило какие либо ограничения для станичных казачьих общин в распределении земли между своими членами. Система же реализации сельскохозяйственной продукции российскими казаками через разветвлённую сеть ярмарок, хлебных войсковых магазинов, сети магазинов, принадлежавших торговому казачьему обществу, можно назвать предтечей кооперативного движения. Здесь следует отметить, что, например, Сибирское казачество явно выделялось среди других казачьих войск Сибири своей экономической предприимчивостью и начавшейся к 1905 году обозначаться социальной самостоятельностью. В других регионах Сибири, например на Амуре, казачья колонизация отличалась строгой регламентацией и воинской дисциплиной, что, по мнению современных отечественных историков, отрицательно сказывалось на экономической эффективности. [6,с.140]

Можно сказать, что казачья община, возникшая в историческом разрезе времени как коллектив воинов — профессионалов для совместного противостояния военным условиям, а применительно к Сибири и природным, с течением длительного временного протяжения трансформировалось в устойчивую социальную страту. Не утратив своего первичного назначения, как боевого содружества, и поощряемая в этом государством, казачья община превратилась в крепкую соседско — семейную корпорацию, целью которой было как можно более полное хозяйственное и социальное благосостояние своих членов. Эта казачья корпорация не была лишена социальных недостатков, но в целом позволяла своему социуму, в непростых социальных условиях царской России развиваться, и даже иметь тенденцию к определённой трансформации и модернизации в нарождающихся в стране рыночных отношениях. Как отмечают современные исследователи территория «казачьего фронта» на русской окраине, помимо военных действий и организации управления, включала конструктивные аспекты российской колонизации — «...рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры». [1.,с.168]

Процессы саморазвития российского казачества, его превращения из «класса в себе» в «класс для себя» неразрывно связан с ростом экономических показателей казачьего хозяйства. Увеличение посевов зерновых, подъём урожайности, в сочетании с развитием скотоводства и животноводства, а также с продолжением развития такого традиционного для казаков промысла, как рыболовство — всё это вызвало постепенную тенденцию к улучшению зажиточного

уровня казачьего населения. При этом следует отметить, что полностью аккумулировать свои возросшие материальные возможности казаки не могли. На них по прежнему лежали обязанности «собираться в службу своим коштом». Значительное количество денежных средств казачества уходило на покупку коней, их снаряжение, на приобретение обмундирования, амуниции и холодного оружия. Поэтому казачья зажиточность, служившая предметом определённой зависти соседних крестьянских поселений, была всё же, весьма относительной. Связана она была с тем, что казачья община была более рационально устроена и организована, по сравнению с крестьянской. Её задачи были более конкретны — подготовка службе, поддержание казачьих станичных хозяйств на определённом уровне, и, по возможности, способствование к дальнейшему саморазвитию.

Самосознание российских казаков, росшее по мере их благосостояния, а также стимулировавшееся развитием в их станицах системы образования, к концу XIX века стало чётко выделяться как система приоритетов субэтнуса. Казаки резко выделяли себя из различных сословий и социальных групп России. В казачьей среде чётко прослеживался процесс социального прогностирования по принципам — свой — чужой, мы — они. Этот процесс усилился с появлением в казачьих поселениях иногородних, которые туда устремлялись из — за лучших условий обеспечения хозяйственной деятельности.

Российское казачество не раз демонстрировало в своей социальной практике качество субэтнуса, определяя своё самосознание на почве этничности. Связано это было с тем, что в формировании казачьего социума большую роль играли нерусские народности. В составе казаков постоянно присутствовали татары, башкиры, другие тюркские народности, осетины, калмыки. Будучи в массе своей православными, казаки достаточно терпимо относились к существованию в своих рядах лиц других конфессий. Внутри казачьего социума шло чёткое разделение, как — то: казаки по корню, казаки по службе, казаки приписные. В станицах имелись архивы, по которым прослеживалась родословная казаков и только через два или три поколения новоприбывший казак считался не «пришлым», а «своёком».

Система семейно-брачных отношений в казачестве была относительно замкнутой. Однако браки казаки предпочитали заключать внутри своей социальной группы. При этом показательна система социальной и национальной дифференциации внутри казачьего социума. Например, имеющиеся в среде сибирского казачества национальные и религиозные прослойки — татары, мордва, выходцы из Украины, повёрстанные в казаки киргизы, сохраняли свою бытовую и, отчасти, религиозную особенность. Однако все члены этих сообществ считали себя казаками и не желали относить свою принадлежность к другим социальным слоям империи. Вообще наличие и рост собственного самосознания, собственная модель социального поведения российского казачества

вызывали определённое раздражение не только у исторических соседей казаков — крестьян и кочевых народов, но в конце XIX столетия и у представителей чиновничьих ведомств Российской империи. В частности, участвовавшие в 1890 гг. споры из-за земельных наделов в 10-вёрстной полосе между сибирскими казаками и киргизами (как тогда называли и кочевые общности казахов), при поддержке последних официальными властями, показывают, что казачья самодостаточность и самосознание было не по нутру многим представителям официальных властей. Складывалась при этом парадоксальная ситуация, когда казачий социум саморазвивается, сохраняет свои традиции, прежде всего боевые, переходит на самообеспечение и фактически не стоит государственной казне никаких средств, и при этом вызывает раздражение у самих властей. Здесь явно прослеживаются истоки тех противоречий, которые привели Россию к социальным катаклизмам начала XX века. Объективные задачи развития страны в целом и отдельных её регионов и социумов, входили в противоречие с ежедневной бюрократической практикой, с системой принятия решений, просто с субъективным восприятием чиновничества своей роли в российском государстве. Наличие какой — либо, хотя бы половинчатой в своей самостоятельности социальной структуры, вызывало отторжение в восприятии этого со стороны российского чиновника. При этом следует отметить, что система идеологических принципов, на которых строилось самосознание казачества вообще, представляло собой причудливый синтез таких понятий, как — то: «воля», «вера», «государева служба», «казаки от казаков ведутся», «вольное казачество». Последнее понятие в системе казачьего мировоззрения получило следующее определение: « Вольный казак — демократ прирождённый, но не демократ в смысле европейском, а в чисто русском смысле; у него вера в царя вне всякого вопроса, следовательно, вольный казак есть «царский демократ». Казак, понимающий долг и дисциплину военную, гражданскую и семейную не может быть анархистом; казак, обладающий собственностью личной и общественной не может быть коммунистом... Основы казачества: Бог, Царь, семья, казацкая община, самоуправление, полная гласность общественных дел и честная служба государству». [3, с.33] Здесь, в сжатом виде видна вся система социальных ценностей казачества. Монархизм казаков представлял собой один из традиционных вариантов русского народного монархизма. Казаки, считая себя прямыми социальными партнёрами монархии, исходя из исторических традиций договора между донскими казаками и Иваном Грозным в 1570 году, весьма скептически относились к бюрократическим надстройкам империи. Отсюда традиционный и постоянный конфликт, не важно по какому поводу, между казаками и имперским чиновничеством. Суть этого конфликта проявляется, например, в Истории Сибирского казачества. Этот процесс ярко показывают обстоятельства земельных споров между Сибирским Казачьим войском и имперскими бюрократическими ведомствами. Сибирские казаки, следуя исторической традиции обратились

за арбитражем к царям (Александру III и Николаю II) и получили от последних поддержку. Соглашаясь или противодействуя тем или иным распоряжениям властей императорской России, казацкие общества осознавали себя не просто верноподданными российской короны, но и полноправными участниками политического процесса, претендующими на известное социальное партнёрство в отношениях с царской властью.

В конце XIX века в Российском казачестве полностью сложился весь комплекс идентификационных критериев казачьего социума. В нём сочетались элементы как традиционного, так и модернизирующего общества. К первым относились приоритеты воинской службы, как отличительной черты казачьего бытия, его жизненной философии, всего смысла жизни казака. Своеобразное противопоставление мирного образа жизни, характерного для большинства населения России и военного, характерного для казака, накладывало неоспоримый стимул для самосознания казачества. Это военизированное самосознание доминировало в социальном мировоззрении казачества. К традиционным ценностям также относилась система православной веры, которая цементировала вокруг себя все ценностно-смысловые приоритеты духовной жизни казачества. Однако для различных казачьих войск, например для Сибирского казачества было характерно собственное смысловое понятие православия, что выразилось в устойчивой традиции в среде сибирских казаков старообрядчества, терпимого отношения к нему со стороны всего сибирского казачьего сообщества, и манкирование постоянными циркулярами со стороны официальных властей, направленными на искоренение в казачьей среде «ереси».

Вместе с тем, именно казачий социум в своей повседневной практике показывал, что в России во второй половине XIX века имелись социальные структуры, которые могли органично вписаться в процесс догоняющей модернизации, без излишних социальных трагедий. Хозяйственный комплекс российских казаков представлял собой идеальный вариант переходного хозяйства. Подобный тип хозяйствования европейские экономисты того времени определяли следующим образом: « Произошло разделение потребительского и производительного хозяйства...Общая потребность удовлетворяется при содействии других хозяйств...Разные хозяйства производят одно для другого; это совершается большей частью в рамках старых общинных форм». [4,с.73]Такой вид хозяйства характерен для большинства станичных хозяйственных комплексов различных войсковых хозяйственных комплексов российского казачества.

Как характерную черту, выделяющую казаков из других социальных групп царской России следует отметить то обстоятельство, что большая часть казачьих войск России, имели определённые стартовые преимущества для перехода к рыночным, капиталистическим методам хозяйствования. Они заключались в наличии гибкой системы социального регулирования внутри казачьего социума, в стремлении самого командования различных казачьих войск повысить

систему рентабельности казачьих хозяйств. Появившееся в станичных хозяйствах «предпромышленность» давала тот необходимый фундамент, который мог способствовать постепенному переходу на рыночные способы ведения хозяйства, не исключавшие определённых социальных регуляторов через сохранившиеся у казаков общинные системы управления. Эти экономические процессы в казачьих хозяйствах полностью соответствуют тенденциям первоначального развития капитализма, о которых современные европейские историки говорят следующее: «...Предпромышленность, не смотря на свою самобытность, не была сектором с чёткими границами...Существовала крестьянская промышленность работавшая на одну семью или одну деревню...На промышленность для семейного употребления накладывалась индустрия, тоже деревенская, но ориентированная на рынок».[2,с.300] При развитии такой формы промышленности неизменно возрастала роль казачьих предпринимателей. Они пользовались социальной поддержкой в казачьей среде при, практически, полном отсутствии чувства зависти, так часто встречавшейся в крестьянской общине. Можно сказать, что тот социальный спрос на предприимчивость, в целом благожелательное отношение к состоятельным казакам внутри казачьего социума, могли дать в дальнейшем тот задел, благодаря которому российские казаки, по мере развития рыночных отношений, смогли бы в будущем стать одним из столпов среднего класса в России. Рыночные отношения буквально врываются в хозяйственную жизнь российского казачества. Появились среди экономически образованных офицеров Войсковых хозяйственных правлений казачьих войск идеи о развитии в среде казачества банковского кредита, системы взаимного страхования, и не только от пожаров; распространялись агрокультурные и производственные знания. Можно сказать, что к концу XIX столетия российское казачество стало превращаться в определённую социальную корпорацию, со своим укладом жизни, системой ценностей и приоритетов. Эта корпорация не была полностью закрытой. Российские казаки, при всей известной настороженности к иногородним, всё же в целом позволяли лицам не казачьего звания и, даже, представителям другой национальности, вести экономическую деятельность в пределах своих поселений. При этом православная вера, исторические традиции военной службе престолу делали казаков наиболее жизнеспособной социальной структурой традиционного российского общества.

Конкретика социальной и экономической практики российского казачества во второй половине XIX — в начале XX вв. позволила казакам выйти практически из положения служилого сословия. Само российское казачество увеличилось уже за счёт внутреннего прироста, хотя практика «вёрстки» в казаки из других социальных групп империи ещё сохранялась, но уже большей частью как традиция. Стремление царских реформаторов сохранить казачьи войска как превосходную боевую единицу и при этом снизить нормы затрат на его содержание, нашли своё реальное воплощение в исторической практике. Можно

сказать, что реформы в казачьей среде были одними из немногих удачных действий в социальной практике русского царизма после отмены крепостного права. Российские казаки, сохраняя в целом свои традиционные цели, быть вооружённой опорой режиму царской России, постепенно саморазвивались в устойчивую социальную страту, которая медленно, но устойчиво эволюционировала к формам капиталистического способа производства, с сохранявшейся системой социальных гарантий для членов своего общества. При этом важно отметить, что внутри казачьей среды развивалась особая форма демократии, дававшая всему российскому казачеству в целом, право на своё положение как субэтноса русской нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баррет Т.М. *Линия неопределённости: Северокавказский «фронт» России*// *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000.*
2. Бродель Фернан. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. перевод с французского. Т. 2. — М., 2006. С.*
3. Дукмасов И. *О заселении Черноморского побережья Кавказа казацким войском. — М., 1887.*
4. Зомбарт Вернер. *Современный капитализм. Перевод с немецкого. Т.1. — М., 1904.*
5. *История казачества Азиатской России. Т.2. — Екатеринбург, 1995.*
6. Ремнев А.В. *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004.*